

Глава четвёртая. Предыстория

Весной 1982 года восемнадцатилетний Янь Минь, будучи совсем юным, покинул Китай и ступил на землю США.

Он поступил в университет в четырнадцать лет, обучаясь в экспериментальном классе для одаренных детей при Научно-техническом университете Китая по специальности микроэлектроника, а после выпуска отправился на государственную стипендию продолжать обучение в Массачусетский технологический институт.

По прибытии в Бостон Янь Миня встретил соотечественник, с которым связалось посольство. Тот оказался человеком радушным: проводил Янь Миня до университета, помог обустроиться и перед уходом сказал, чтобы в случае любых трудностей парень обращался к нему. Всё шло гладко.

Однако удачное начало ещё не означало, что дальше всё будет как по маслу — настоящие испытания были впереди.

Едва заселившись, Янь Минь столкнулся с проблемами. Его сосед по комнате — белый американец — оказался расистом и антисоциалистом. Он то в открытую, то исподтишка издевался над Янь Минем, приехавшим из красного Китая, а добиться смены комнаты не было никакой возможности.

В то время Янь Минь ещё не до конца освоил язык, денег при себе не имел, да и в местных порядках ориентировался слабо. К тому же из-за склада характера он не хотел доставлять неудобств другим соотечественникам, поэтому вынужден был молча терпеть, испытывая невыносимую тоску.

Именно в тот момент в его жизни появился Линь Чжэнси — первый китайский студент, с которым Янь Минь познакомился в США.

Люди — существа социальные и любят держаться вместе, чтобы согреться в одиночестве. В начале восьмидесятых китайцев, отправлявшихся на учебу за границу, было крайне мало. Увидев в кампусе Янь Миня с его желтой кожей и черными глазами, Линь Чжэнси сам подошел поздороваться и, убедившись, что перед ним действительно соотечественник, завязал с ним дружбу.

Линь Чжэнси был родом с острова Тайвань, а его предки происходили из Шаньдуна. Хотя он переехал в США с родителями в десять лет, он по-прежнему свободно говорил по-китайски и владел письменной речью: родители уделяли большое внимание его обучению родному языку, заставляя помимо основной школы посещать дополнительные занятия, чтобы сын не забыл свои корни.

В шестнадцать лет Линь Чжэнси поступил в Иллинойский университет в Урбане-Шампейне на

специальность электронно-информационных технологий, а после выпуска успешно получил стипендию на обучение в докторантуре Массачусетского технологического института, по праву считая себя одарённым.

Так началась их дружба.

Помощь Линь Чжэнси стала для Янь Миня настоящим спасением в лютую стужу. Линь Чжэнси сделал для него очень многое: помог разобраться с соседом, предложил снимать жильё вместе, по собственной инициативе одалживал деньги, помогал с поиском работы и даже научился готовить, чтобы угощать друга домашней едой и облегчать его тоску по родине.

Надо признать, Линь Чжэнси умел выбирать темы для разговоров: они оба изучали электронику и информационные технологии, поэтому, несмотря на разницу в узких направлениях исследований, им всегда было о чём поговорить.

Янь Минь был человеком традиционных взглядов или, если угодно, из-за позднего взросления он вовсе не задумывался о чувствах и любви. Он и представить себе не мог, что близкий друг, с которым они делили хлеб и кров более четырех лет, может питать к нему такие мысли — ведь они оба были мужчинами!

При поддержке Линь Чжэнси Янь Минь окончил докторантуру, подрабатывая на жизнь, а затем остался в США на постдока. Одно время он даже психологически был сильно привязан к Линь Чжэнси, считая его своим лучшим другом.

Всё изменилось накануне отъезда Янь Миня на родину. Линь Чжэнси признался ему в любви и выразил надежду, что тот останется в Штатах, чем до смерти напугал Янь Миня.

Тогда Янь Минь был так ошеломлен, что чуть не лишился чувств. В панике он отверг признание Линь Чжэнси и в последние дни перед отъездом старался избегать встреч с ним, чтобы не создавать неловкости.

Он даже толком не попрощался с Линь Чжэнси перед отлётом. Янь Минь наивно полагал, что раз он возвращается в Китай, то океан между ними навсегда развеет эти странные чувства друга.

В то время Янь Минь приехал в Америку, имея в кармане всего десять долларов. Дело было вовсе не в том, что его семья была настолько бедна — просто ситуация у всех студентов, приехавших вместе с ним, была схожей. Страна только открылась миру, валюты катастрофически не хватало, и обменять её на доллары было практически невозможно.

Линь Чжэнси стал для него тем самым огоньком в зимнюю ночь, который и путь освещал, и теплом согревал.

Вернувшись в Китай, Янь Минь обнаружил, что индустрия чипов в стране практически не развита. Его докторская специализация оказалась здесь невостребованной, поскольку отсутствовали элементарные условия для ведения научной деятельности. Это было всё равно что пытаться возвести высотку, не имея под рукой даже кирпичей и цемента.

Поначалу ему приходилось начинать с самых азов, и отрицать, что это было мучительно, было бы неправдой.

Вернувшись на родину, Янь Минь не осмеливался писать Линь Чжэнси. Однако спустя несколько месяцев он всё же получил письмо — неведомо как друг раздобыл его адрес.

Линь Чжэнси не переставал писать. Янь Минь же отвечал примерно в пропорции один к трём: на три письма Линь Чжэнси он писал лишь одно.

Линь Чжэнси не обижался на такую холодность и продолжал писать не реже раза в месяц. Удивительно, откуда в нём бралось столько неиссякаемого энтузиазма.

Линь Чжэнси присылал самую актуальную информацию и новости индустрии, что было для Янь Миня крайне важно, поэтому он не мог просто игнорировать эти письма.

Сам же Линь Чжэнси, познакомившись с Янь Минем, который поступил в университет в четырнадцать лет, понял, что нет предела совершенству и всегда найдется кто-то талантливее тебя. В глубине души, помимо искреннего восхищения, у него осталось лишь чистое уважение к гению Янь Миня.

Линь Чжэнси извинился за свою порывистость и больше никогда не упоминал об их чувствах, наполняя письма лишь профессиональной тематикой.

Идёт уже пятый год с момента возвращения Янь Миня, а Линь Чжэнси всё продолжает писать с той же регулярностью.

Сейчас Янь Минь смотрел на письмо в своих руках, испытывая крайне сложные чувства. Он не стал читать его сразу, а убрал в портфель.

Как только настало время уходить, Янь Минь схватил портфель и поднялся со своего места.

— Рабочий день окончен! — объявил он.

Все в кабинете замерли и с изумлением уставились на него. Сегодня солнце явно взошло на западе: их начальник вдруг уходит вовремя!

Янь Минь был холост и слыл трудоголиком. Задержки допоздна были для него обычным делом,

порой он даже ночевал прямо в офисе, так что уход домой по расписанию был чем-то из ряда вон выходящим.

Ли Гэньюнь обеспокоенно спросил:

— Инженер Янь, вам получше?

— Намного лучше, спасибо! Если дел нет, идите домой, а я пойду, — ответил Янь Минь.

Под ошарашенными взглядами коллег он покинул офис.

Сегодня он ушёл рано не из-за того, что был болен, а из-за письма из Америки в его портфеле — ему не терпелось поскорее прочитать его.

Снаружи уже стемнело. Зимой в Пекине темнеет рано.

Тускло горели уличные фонари, прохожих почти не было. Стоило подуть холодному ветру, как спина сразу покрывалась мурашками — зима в этом году выдалась суровой. Янь Минь плотнее запахнул воротник и шагнул в ночную мглу. Янь Минь быстро зашагал, стараясь как можно скорее добраться до общежития. Подойдя к Институту вычислительной техники, он заметил ларек с лапшой, расположившийся под навесом у дороги, и вспомнил, что пора бы поужинать. Он остановился, сел за столик, укрытый от ветра пластиковым пологом, и сказал хозяину:

— Мне, пожалуйста, четыре ляна лапши с бараниной.

Янь Минь не умел готовить: обедал в столовой компании, а завтраки и ужины приходилось решать самому. Он частенько заглядывал в этот ларек, хозяин которого торговал здесь уже три года. Готовил он получше иных закусовых, особенно хороша была лапша с соусом чжацзян, но зимой все же лучше заказывать горячий суп — он дольше сохраняет тепло на холодном воздухе, да и горячий бульон приятно согревает изнутри.

Лапшу принесли быстро. Суп с бараниной был прозрачным, но наваристым и ароматным. Лапша оказалась ручной работы — хозяин делал ее сам, она была в меру упругой и приятной на вкус.

Янь Минь проглотил все в два счета, допил бульон до последней капли и почувствовал, как разливающееся по желудку и всему телу тепло прогоняет остатки холода. Он достал юань и протянул владельцу, тот отсчитал ему двадцать фэней сдачи.

После того как пару лет назад попытка реформы ценообразования не удалась, цены подскочили и больше не падали. Раньше миска такой лапши стоила пятьдесят фэней, а теперь — восемьдесят.

Зарплата Янь Миня составляла девятьсот с лишним юаней. Если бы он остался в Институте вычислительной техники младшим научным сотрудником, получал бы от силы четыреста-пятьсот. Сейчас же он работал в коммерческой структуре главным инженером, имел дополнительные надбавки и мог рассчитывать на премии в конце года.

За исключением любви к компьютерам, требующей немалых трат, у Янь Миня не было других дорогих хобби. Поэтому в деньгах он не нуждался и мог спокойно питаться в заведениях хоть каждый день. Кроме компьютеров, единственной его страстью была вкусная еда, но без фанатизма — главное, чтобы было вкусно. Именно поэтому он стал завсегдатаем этой уличной точки.

Вернувшись в общежитие, Янь Минь налил воды, собираясь принять лекарство, но обнаружил, что в чайнике она давно остыла. Он поспешил набрать воды и поставил чайник на плиту в коридоре. В здании каждая семья держала горелку в общем коридоре — на ней и готовили, и грели воду. В обеденное время здесь всегда стоял шум: соседи переговаривались, слышалось шкворчание сковородок, детский смех и окрики родителей — настоящий симфонический оркестр человеческой жизни.

Поставив воду, Янь Минь вернулся за стол и распечатал письмо от Линь Чжэнси. Письмо было написано традиционными иероглифами, почерк красивый, размашистый и уверенный — совсем как у его владельца. В начале шла короткая вежливая фраза:

Янь Минь, как увидишь это письмо — считай, что мы встретились.

Как твои дела? В Далласе в последнее время резко похолодало, температура упала до нуля, кажется, скоро пойдет снег. Вспомнилось, как однажды в Бостоне разыгралась метель: сугробы стали такими высокими, что сравнялись с крыльцом. Ты рано утром вышел из дома, поскользнулся и чуть не утонул в снегу. Ты лежал там, не двигаясь, а я в панике выкапывал тебя, не ожидая, что ты сунешь мне за шиворот горсть снега. Твоя улыбка до сих пор стоит у меня перед глазами. В Пекине, должно быть, сейчас разгар зимы? Выпал ли снег? Играете ли вы в снежки? Не забывай одеваться теплее.

При этих словах у Янь Миня защипало глаза. Раньше, читая письма, он изо всех сил старался игнорировать подобные проявления нежности и заботы, выискивая лишь информацию, касающуюся работы. Какие чувства приходилось подавлять Линь Чжэнси, сколько раз он переписывал эти строки, боясь, что они покажутся слишком навязчивыми или, наоборот, слишком холодными?

В середине письма Линь Чжэнси рассказывал о работе в Texas Instruments. Это был гигант полупроводниковой индустрии в США, там разработали первый в мире кремниевый транзистор и первую интегральную схему. Многие титаны этой отрасли прошли через эту компанию. Когда Янь Минь учился в докторантуре в США, его научный руководитель тесно сотрудничал с Texas Instruments, так что он часто там бывал.

После защиты Янь Минь больше года проработал там постдоком, но затем отклонил

предложение о высокооплачиваемой должности и решил вернуться в Китай. Линь Чжэнси устроился туда примерно в то же время и после отъезда Янь Миня остался там работать инженером по производству чипов. В письме он, конечно, не мог вдаваться в детали, опасаясь раскрыть секреты компании, но давал Янь Миню достаточно сведений, чтобы тот понимал текущее положение дел в индустрии чипов.

Закончив о работе, в самом конце Линь Чжэнси добавил:

В этом году на Праздник весны я, возможно, поеду в Шаньдун, чтобы навестить родные края вместе с дедом, а затем загляну в Пекин. Могу ли я пригласить тебя стать нашим гидом?

Янь Минь надолго замер. Он помнил, что Линь Чжэнси действительно тогда приезжал в Китай на Праздник весны, но они так и не встретились. Он тогда испугался неловкости, сбежал из Пекина в родные края и избегал встречи. Интересно, что чувствовал Линь Чжэнси, когда не нашел его, да еще в присутствии своего отца и деда?

Янь Минь смотрел на письмо, чувствуя, как внутри все сжимается от горечи: «Прости, Линь Чжэнси. В этот раз я больше не буду прятаться».

Отложив письмо, он открыл ящик стола и достал толстую пачку авиаконвертов — все от Линь Чжэнси. Он не удержался и начал перечитывать их с самого первого. Письмо за письмом, он полностью погружался в текст, глядя на происходящее глазами Линь Чжэнси, и сердце его наполнялось такой болью и тоской, что становилось трудно дышать. Раньше он думал, что время и расстояние смогут стереть все, что Линь Чжэнси со временем перестанет быть таким одержимым. Но на самом деле все было иначе. Прошли годы, они не виделись, но чувства Линь Чжэнси не угасли. Даже когда с ним случилась беда, Линь Чжэнси бросил все в США, вернулся в Китай и ухаживал за ним — лежащим, беспомощным — больше десяти лет.

Сосед постучал в дверь, напоминая, что вода давно выкипела. Когда Янь Минь заглянул на кухню, в чайнике осталось меньше половины воды. Пришлось ставить новую порцию. Он разложил бумагу и приготовился писать ответ, но дело шло неважно: напишет пару строк, посчитает их неуместными, порвет, скомкает и бросит в корзину. К концу вечера корзина была наполовину полна, а письмо так и не было закончено.

Янь Минь отложил ручку и закрыл лицо руками. Он не знал, в каком тоне говорить с Линь Чжэнси. Письмо так и не вышло. Раз уж Линь Чжэнси собирается приехать, лучше дожидаться встречи и все сказать лично. Все равно, даже если бы он отправил письмо сейчас, вряд ли оно дойдет вовремя — к тому моменту Линь Чжэнси, скорее всего, уже будет на Тайване или в Материковом Китае.